

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

С.А.Фомичев

(доктор филологических наук, профессор, С.-Петербург, Россия)

У статті висловлюється й мотивується припущення, що князь Ігор Святославич після невдалого походу на половців услід за літописною версією події замовив оповідачеві записати особливу розповідь про похід, адресовану місцевим жителям.

The author advances a suggestion that Prince Igor, son of Sviatoslav, after his defeat by Polovtsians, in addition to the chronicle version of the events, ordered the story-teller to put down a different account of his campaign.

Память о неудачном походе русичей на половцев 1185-го года сохранилась наряду со «Словом о полку Игореве» в составе общерусских летописных сводов. Особенно близка по сюжетной канве к «Слову» повесть, включенная в Ипатьевскую летопись, которая в этом фрагменте восходит к личной летописи Игоря Святославича (1, 145-175; 2, 43-64; 3, 31-42). (Повесть о походе Игоря 1185 г. в составе Ипатьевской летописи представляет собою вполне самостоятельный текст, который, по всей вероятности, был создан непосредственно после побега Игоря из половецкого плена.) Допустимо предположить, что Игорь заказал сказителю написать особый (но на основе официальной, летописной версии!) рассказ о походе, который был адресован местным жителям, пострадавшим от неудачного похода куда в большей степени, чем сам князь. По своему актуальному заданию этот рассказ должен был, во-первых, объяснить подданным причину военной неудачи, а во-вторых, – оправдать побег Игоря из половецкого плена, где остались томиться его сподвижники, и в их числе – даже сын Игоря, Владимир. Упрочить пошатнувшуюся власть над подданными князю в ту пору было просто необходимо, так как в сражении погибла целиком не только его дружина, но и все ополчение, доверенное ему, по заведенному порядку, народным вече. В летописном рассказе особо отмечено, что князь своих подчиненных не забывал: *... вси сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся доити рѣки Донца, молвязуть бо, оже побѣземь - утечемь сами, а черныя люди оставимь, то от Бога ны будеть грѣхъ: сихъ выдавше, поидемь. Но или умремь, или живы будемь на единомь мѣстѣ* (4, 238).

В походе 1185 года Игорь выступил против Кончака. Этот могущественный половецкий хан в обстановке непрекращающейся междоусобной войны на Руси прагматически вступал в союзы с враждующими между собой князьями. Особенно близки были его взаимоотношения с Ольговичами – и прежде всего с Игорем Святославичем. В 1180 г., потерпев поражение от дружинников Мономаховича, Рюрика Ростиславича (через год он станет соправителем киевским), Игорь и Кончак спаслись, вскочив в одну ладью, в то время как брат половецкого хана погиб, а два его сына попали в плен. После этого Кончак, вероятно, гостил в Новгороде-Северском, где было заключено соглашение о сватовстве малолетнего сына Игоря, Владимира, к дочери половецкого хана. Однако уже в 1184 г. полчища Кончака напали на русские города и были разбиты. Очевидно, в ходе этой войны были нарушены какие-то личные обязательства половецкого хана перед Игорем. Иначе трудно объяснить, почему последний, зная о подготовке похода русичей под предводительством вел. кн. Святослава, выступил против половцев самостоятельно. Впрочем, попав в плен, Игорь пользовался покровительством своего свата. «Тогда же, – отмечает летописец, – на польчищи Кончакъ поручися по свата Игоря зане бышетъ ранень» (4, 242), – а пребывание в плену князя описывается так: *Половци же, аки стьдящеся воеводства его, и не творяхнуть ему, но приставившиа к нему сторожавъ 15 от сынов своихъ, а господичевъ пять, то техъ всихъ 20, но волю ему даяхуть: где хочеть, ту ѣздящеть и ястрябомъ ловящеть, а своихъ слуг съ 5 и съ 6 с ним ѣздящеть. Сторожевъ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и где послащеть кого – бесъ прѣ творяхуть повелѣное им. Попа же бяшетъ привель из Руси к себе со святою службою, не ведящеть бо Божия промысла, но творящеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьянску, имже мнозѣ печаловохуться и проливахуть же слезы своя за него* (4, 244). Поэтому и побег Игоря из плена не нарушил брачных обязательств: Владимир Игоревич в 1188 г. вернулся домой с Кончаковной и с сыном.

Вообще говоря, участие половцев в княжеских междоусобицах было в ту пору явлением вполне заурядным (так же, как и участие венгров и поляков на западных русских границах), но все они были ненадежными союзниками. За их помощь нужно было платить военной добычей и рабами, которых они

время от времени добывали и в самостоятельных набегах на Русь. Можно понять, насколько двусмысленные взаимоотношения собственных князей с пришельцами вызывали возмущение простого люда, в наибольшей степени страдавшего от непрерывных баней.

Повторяя событийную канву княжеской летописи, гениальный автор «Слова», однако, в процессе вдохновенного творчества, осмыслил историческую ситуацию, при всем сочувствии к Игорю, с позиций общерусских патриотических чаяний. На наш взгляд, следует принять во внимание импровизационной характер художественного произведения, которое в процессе творческого акта далеко отошло от «социального заказа».

О походе Игоря автор рассказывает как очевидец. Не обязательно, конечно, считать его непосредственным участником этого события, хотя воинский быт вообще ему досконально знаком. С самого начала автор обещает вести рассказ *по былинам сего времени*, ориентируясь на официальную версию события, отраженную в летописи. Разительной приметой именно такой трактовки служит описание солнечного затмения в «Слове», как и в летописи, – в самом начале Игорева похода. По современному исчислению, солнечное затмение в действительности произошло позже, 1 мая, на девятый день похода Игоря, – после его поражения. Как известно, Игорь выступил в поход 23 апреля, во вторник. Победоносная его битва на реке Сюрлий произошла в пятницу, 26 апреля. Разгром русичей на реке Каяле завершился в Святое Воскресение, 29 апреля.

В летописном рассказе было важно подчеркнуть, что поход был изначально предвещен грозным божественным предзнаменованием, которое Игорь якобы неверно истолковал – во зло половцам. В «Слове» же подобная картина задает тревожный тон всему дальнейшему повествованию, но христианский Бог не упомянут: решение князя начать поход объясняется его молодецкой отвагой (*с вами, русици, хошу главу свою приложити, / а либо испити шелокомь Дону – 5, 28*). И в дальнейшем, *в отличие от летописи*, вспоминаются лишь народные языческие поверья и божества, что вызвано, несомненно, иной адресностью произведения: оно обращено, как бы мы сказали сейчас, к широкому кругу читателей, для которых в то время были ближе древние верования.

Важно отметить, что в летописи передано покаяние Игоря в момент поражения: *И тако во день Святаго Воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свой, в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселиа мѣсто желю на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорьь: «Помянухъ азъ грѣхи свои предъ Господомь Богомь моимь, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьяньстѣи, якоже бо азъ не пощадѣхъ хрестьянь, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ к Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестьяни: отлучаемы – отецъ от роженій своихъ, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружій своихъ, и дщери от матерій своихъ, и подруга от подругы своя...» (4, 240)*

Это событие оценивается как личный и единственный подобный Игорев грех. Вспоминается здесь лишь какая-то маловажная битва, в которой, наряду с князем, участвовали и его воины, а может быть, и половцы. Но, отталкиваясь от упоминания междоусобицы в официальном повествовании, автор "Слова" дает широкую панораму губительных раздоров на Руси, осмысляя неудачный поход 1185 года в контексте всей русской истории XII столетия:

*Тогда, при Олзѣ Гориславличи,
сѣяется и растекашеть усобицами,
погибашеть жизньъ Даждьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ*

вѣци челоуѣкомь скратишесь.

Тогда по Руской земли

*рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани гряхуть,
трупиа себѣ дѣляче,*

*а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣть на уедие (5, 34).*

Намеченная при описании неудачного похода картина внутренних раздоров на Руси, по логике художественного замысла, вызвала необходимость выразить чаяния общерусского единства, что и составило центральную часть произведения. Автор и здесь отталкивался от официального летописного рассказа, где описана реакция князя Святослава на весть о поражении войска Игоря: *Святославъ же, то слышавъ и вельми вздохнувъ, утер слезъ своихъ и рече: «О, любя моя братья, и сыновѣ, и муже землѣ Рускоѣ! Далъ ми Богъ притомити поганья, но не воздержавие уности отвориши ворота на Русьскую*

землю. Воля Господня да будет о всемь! Да како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ, братѣ моемь» (4, 242).

В произведении «злато слово» Святослава предварено его пророческим сном, поэтика которого, казалось бы, неожиданно (даже противоестественно!) сблизена со свадебными песнями о сне невесты, снившемся ей накануне свадьбы. «В песнях этого типа, – как отмечает Роман Манн, – певшихся чаще всего в утро венчального дня, упоминаются почти все приметы, о которых рассказывает Святослав: вино, жемчуг, птицы, развалившиеся части дома.

– Разгадай-ка, моя мамынька,
 Мой дивный сон,
 Што мне снилася сядодня у ва снах:
 Прилитали ясны сокылы,
 Яны садились на вакошички,
 На сиребрину рязетачку,
 Яны сыпали крупен земчуг,
 Распухлили яны чорный шоук <...>
 Мне не много ночесь спалося,
 Мне во снах грозно казалось:
 Будто ночесь во темной ноченьке,
 Что у вас, мои родители,
 Что у вас, мои сердечные,
 Все тыночки раскатилися,
 Все столбы да пошатилися,
 С теремов верхи повынесло» (6, 133).

Добавим к этому наблюдению, что и начало сна Святослава воскрешает атрибуты свадебного обряда. «Черная одежда невесты, – замечает В.И.Еремина, – называется часто «печальной» <...> Для ранних представлений, которые были связаны с главным действующим лицом свадебного обряда – невестой, важно не то, что ее фата была черной, а то, что невеста покрывается фатой, прячет свое лицо <...> Этот обычай скрывать лицо невесты зафиксирован во многих записях прошлого века» (7, 85). В свою очередь, исследовательница справедливо сближает свадебную церемонию сватовства с ритуалом перехода в иной мир, то есть с погребением. Именно в связи с этим обрядом, как нам представляется, в конце сна появляется до сих пор четко не растолкованное выражение, в первопечатном тексте воспроизведенное так: *Всю ночь с вечера босувѣ врани възгряху у Плѣсньска на болони, бѣша дебръ Ки // сани и не сошлю къ синему морю.* Ворон, своим карканьем предвещающий смерть, – обычный образ пророческого сна невесты. Чужая же сторона, куда уходит невеста, в свадебном обряде характеризуется следующим образом: «Ехали мы не путем, не дорогою, а зелеными лугами, чистыми полями, поволочными местами, дремучими лесами, зыбучими болотами, через грязи топучие, через тихие озера глубокие, через быстрые реки широкие, через ручьи ребиновы, через мосты калиновы, через узкие переулки» (7, 92). Допустимо поэтому предположить, что во сне Святославу привиделись *дебрьски сани* (так же расшифровывал эти слова А.Югов; см.: 8, 80), где эпитет имеет переносное значение, зафиксированное в русских говорах: «дебрьский – из дебрей, неведомо откуда» (9, 424), то есть, в данном случае, из потустороннего мира. Сани – также элемент погребального обряда.

Ср. в «Слове»:

А Святославъ мутенъ сонъ видѣ
 В Киевѣ на горахъ
 «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, – рече, –
 чръною паполомою
 на кровати тисовъ;
 чръпахуть ми синее вино,
 съ трудомъ смѣшено;
 сыпахуть ми тѣщими тулы погнныхъ тльковинъ
 великый жемчюгъ на лоно
 и нѣзуютъ мя.
 Уже дѣмки безъ кнѣса
 в моемъ теремъ златовръсѣмъ.

Всю ночь съ вечера

*бусови врани възгряху у Пльньска,
на болони бѣша дебръ Кияня
и несошася къ синему морю» (5, 38).*

Использование в «златом слове» традиционной поэтики семейного и свадебного обрядов было в художественной ткани произведения предварено еще речью буй тура Всеволода: «А мои-то куряне – опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены» [Вероятно, такое описание восходит к топике средневековых хроник, что подчеркивает широкий культурный кругозор автора «Слова». Поразительно сходный текст обнаружен во французской рукописи XIII в., в переводе на русский язык звучащий так: «Кто юноша-рыцарь? Тот, кто под мечом был рожден, и в собственном щите взлелеян, и среди шеломов молоком вспоен, и мясом льва вскормлен, и средь страшного грома убаюкан...» (10, 88-89)], - и метафорическим описанием проигранной русичами битвы:

*Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирь dokonчшиа храбрии русичи:
свата попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую (5, 35).*

Бояре Святослава в «Слове» разгадывают сон князя в качестве предвестия отторжения Игоря и Всеволода («двух соколов») от «отчего престола золотого». В общей художественной ткани произведения, как мы увидим далее, за этим конкретным событием раскрывается и более широкий, символический план всего повествования, в полной мере возобладавший в заключительной части «Слова».

Поэтическое взывание Ярославны *въ Путивльѣ на забралѣ* (возможно, известие о сокрушительном поражении, дошедшем до Новгорода Северского, побудило жену князя ради безопасности перебраться в Путивль) начинается как традиционный плач, похоронное причитание. Продолжено же воззвание героини, однако, по иному образцу: как заклинание. Ярославна, скорбя о воинах своего лады, магическим даром своим вызволяет мужа из царства мертвых, ибо всякий переход бытийственной границы (здесь – плен, утрата власти, отторжение от Земли русской) равен смерти (см.: 11, 64-69).

С символикой перехода бытийственной границы связано и описание диалога Игоря с пограничной рекой, Донцом. Здесь, на первый взгляд, опять же неожиданно вспоминается давняя гибель князя Ростислава в реке Стугне и причитание его матери: «Днѣпръ темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславалѣ». В «Повести временных лет», где описана гибель князя, также отмечено: «...плакася по нем мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради» (12, 230). В балладе А.К.Толстого «Князь Ростислав» вспоминается не мать князя, а его жена: *...Его жена, / Прождав напрасно целый год, / С другим обручена* (13, 116). А потом в разговоре Гзак с Кончаком (в летописи также воспроизведен диалог половецких ханов, но там речь идет лишь о разных их маршрутах нападения на русские земли) возникает тема женитьбы Владимира Игоревича на Кончаковне:

Рече Кончакъ ко Гзе:

*«Аже соколь к гнѣзду летитъ,
а вѣ соколца опутаевъ
красною дѣвицею».*

И рече Гзакъ к Кончакови:

Аще его опутаевъ

*красною дѣвицею,
ни нама ни будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнутъ наю*

птици бити в полѣ Половецкомъ (5, 51).

Жена, мать, невеста вспоминаются одна за другой, развивая отмеченную выше свадебную символику, которая в поэтической образности «Слова» подчеркивает нерушимую, органическую связь (обручение) Игоря с землей Русской, необходимость блюсти ее целостность и безопасность. Автор «Слова» выявляет

– в духе народного мировосприятия – хранительную роль женщины, по-особому освященную в финале произведения образом Богородицы: Игорь после освобождения (возвратившись из плена, он отправился, согласно летописи, к Ярославу в Чернигов (*помощи прося на Посемье*; 5, 246), а после – к Святославу в Киев. Ясно, что в ту пору без их поддержки положение Игоря в собственном уделе было неустойчивым) едет к церкви Успения Богородицы Пирогощей. Допустимо предположить, что отвечающий поэтике произведения смысл определения тут: Богородица, «пиром угощающая». Ведь один из самых чтимых на Руси праздников, Успение, по народному наименованию, – Госпожинка, Спление, Спожинки, Оспожинки, Дожинки. Может быть, и Пирогощая – из того же ряда (на Успенье, по случаю окончания жатвы устраивали праздник, угощали, пекли пироги). Отсюда и – «Страны ради, гради весели». Ср. в заклинании Ярославны: «Чему, господине, мое веселие по ковылю развея?» В принципе, это не противоречит гипотезе, развитой Д.С.Лихачевым, о том, что *исторически* церковь названа Пирогощей по иконе Одигитрии из Влахернского монастыря, название которой «наиболее вероятно следует производить от греческого слова *πυρούτις* – башенная» (14, 222). Все дело, на наш взгляд, в народной этимологии – переосмыслении непонятных речений.

Образ Богородицы в финале «Слова» обусловлен постоянным, нарастающим символическим уподоблением «земли Русской» (этот топоним в произведении упоминается более двадцати раз) с матерью, хранительницей своих сынов, обязанных, в свою очередь оберегать и защищать ее. Ср. в духовном стихе:

Первая мать – Пресвятая Богородица,

Вторая мать – сыра земля,

Третья мать – как скорбь приняла (15, 78).

1. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1985.
2. Зимин А.А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. – 1968. – № 6.
3. Яценко Б.И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Русская литература. – 1985. – № 3.
4. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. – Т.4.
5. «Слово о полку Игореве» /Вступительная статья и подготовка древнерусского текста Д.Лихачева; Составление, статья и комментарии Л.Дмитриева. – М., 1983.
6. Манн Р. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л., 1986.
7. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л., 1991.
8. «Слово о полку Игореве» /Перевод и комментарии А.Югова. – М., 1945.
9. Даль В. Толковый словарь живого Великорусского языка. – М., 1978. – Т.1.
10. Михайлов А.Д. Об одной старофранцузской параллели «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л., 1986.
11. Клейн И. Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») //Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. – М., 1976.
12. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI - начало XII века. – М., 1978.
13. Толстой А.К. Князь Ростислав: Баллада //Толстой А.К. Полное собрание сочинений. – Л., 1984. – Т.1.
14. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1978.
15. Федотов Г. Стихи духовные. – М., 1991.